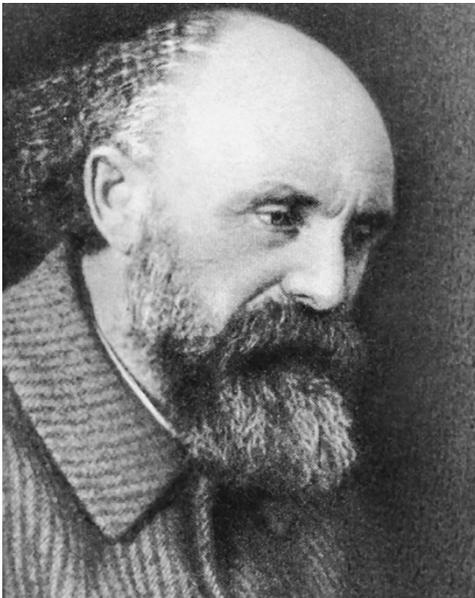

было двое: брат и я... // Лит. обозрение. 1987. № 9. С. 45–48; Латынина А. Одна неправда нам в убыток... // Лит. газ. 1987. 15 апр. С. 4; Ульяшов П. И лично от меня... // Лит. Россия. 1987. 5 июня. С. 17; Шкловский Е. Как брат брата // Правда. 1988. 29 авг.

О. В. Богданова

ПРИШВИН Михаил Михайлович (псевдонимы Михаил Хрущевский, М. Алпатов и др.) [23.1(4.2).1873, с. Хрущево Елецкого у. Орловской губ.— 16.1.1954, Москва] — прозаик.

Происходил из купеческого сословия. Родился в имении Хрущево, купленном у помещика дедом П. С 1883 учился в Елецкой гимназии. После года учебы оставлен повторно в 1-м классе за неуспеваемость, с выводом: «Безнадежен по малоспособности». В 1885 попытался совершить с друзьями-гимназистами романтический побег в «Азию», который рассматривал позже как свое первое, стихийное устремление к мечте. П. запомнилось заступничество от насмешек гимназистов («бежали в Азию, а попали в гимназию») учителя географии В. В. Розанова, впоследствии известного публициста и философа: «Это хорошо, это необыкновенно» (**Дневники. 1918–1919. С. 365**). Однако в 1889 П. был исключен из гимназии без права поступления в др. учебное заведение — за оскорбление того же Розанова. В последние гимназические годы увлекался чтением нелегальной лит-ры.

М. М. Пришвин

С осени 1889 продолжал учебу в реальном училище в Тюмени, живя у дяди, крупного промышленника. В 1893 сдал экстерном экзамены за 7-й класс и поступил на агрономическое отделение химического ф-та Рижского политехникума. В Риге активно участвовал в деятельности т. н. школы пролетарских вождей: распространял подпольную лит-ру, переводил сочинения Бебеля и Меринга, воспринимая марксизм в апокалиптически окрашенном образе «светлого будущего», которое грянет после неминуемой мировой катастрофы. В 1897 арестован и приговорен к году тюремного заключения; весной 1898 выслан под надзор полиции на родину, в Елец.

При запрете учиться в России в 1900 П. получил разрешение выехать в Германию, где поступил в Лейпцигский ун-т, посещал также лекции в Берлине и Иене. Учился у всемирно известных профессоров: В. Ф. Оствальда, В. Вундта, Э. Геккеля, К. Бюхера и др. Увлекался музыкой Р. Вагнера (за время учебы 37 раз слушал оперу «Тангейзер»), натурфилософией Гете. Особенно много занимался в лаборатории физикохимика и философа В. Ф. Оствальда. Науч. интересы и «прозрение в мещанство социал-демократии» (С. Т. З. С. 9) привели П. к отходу от революционной деятельности. В 1902, окончив обучение, отправился в Париж, где влюбился в В. П. Измалкову, студентку Сорбонны, однако вспыхнувшая любовь завершилась трагическим для П. разрывом, наложившим отпечаток на всю его жизнь и творчество — «ей представляется, что он любит не ее, а мечту свою» (**Дневники. 1918–1919. С. 132**).

Возвратившись в Россию, работал агрономом в Тульской губ., в Клинском уездном земстве, в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве. В 1904 переехал с семьей (в Клину П. сошелся с неграмотной крестьянкой с ребенком) в Петербург, где стал секретарем редактора сельскохозяйственной энциклопедии, затем работал на опытной агрономической станции под Лугой; публиковался в науч. журналах; составлял популярные пособия («**Как удобрять поля и луга**», 1905; «**Картофель в полевой и огородной культуре**», 1908).

Однако приземленность практической науки вызвала чувство неудовлетворенности. Зато при близком общении с простыми людьми нарастало увлечение живым, разговорным языком, выразительной силой народной речи. Выход в лит-ру был найден около 1904 при попытке П. записать мучительно переживаемую историю первой любви. Первый

рассказ — «**Домик в тумане**» (1905; не сохранился). С 1905 подрабатывал в газетах, главным образом в «Русских ведомостях», где редактором был его двоюродный брат И. Н. Игнатов.

Летом 1906 по совету этнографа Н. Е. Ончукова отправился для сбора фольклора в Заонежье — не тронутый цивилизацией Выговский край Олонецкой губ. 38 сказок, собранных П., вошли в сб. Ончукова «Северные сказки» (1908). Впечатления от путешествия составили книгу «**В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края**» (1907). Этнографические зарисовки, благодаря присутствию П. «родственному вниманию» (слиянию души с предметом изображения), переросли в целостную картину хозяйственной деятельности, обычаев и обрядов северян, с большим количеством колоритных, художественно выписанных типов сказительниц, во плениц, бурлаков. Увлеченно описывая патриархальные особенности быта северян, П., однако, избегает идеализации, не оставляя без внимания и негативные стороны жизни. На примере Выговской пустыни показана трагическая судьба староверчества. Книга воспринималась как этнографическое исследование, но ее достоинства проистекали, конечно, не из научности, а из бесспорной оригинальности худож. таланта П.

Во второй книге путешествий П. «**За волшебным колобком. Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии**» (1908), повествование которой стилизовано под народную сказку, намечена сквозная тема творчества П. — тема сближения жизни и сказочной мечты, поиска прекрасного в повседневности. Эта книга, в которой повествовательная манера П. становится более свободной, субъективной, — важный шаг вперед от этнографии к худож. прозе.

Познакомившись в 1907 с А. М. Ремизовым, близким ему по мировосприятию, худож. принципам и любви к народному языку, прошел у него, как и ряд др. известных писателей, «школу» лит. мастерства. А. Ремизов ввел П. в лит. круги Петербурга. Под влиянием собраний Религиозно-философского общества П. совершил летом 1908 путешествие в заволжские леса на Светлое озеро, к легендарному граду Китежу. В живой, импрессионистической манере П. воссоздал в книге «**У стен града невидимого**» (1909) атмосферу паломничества, разнобразные проявления «наивной народной веры», раскрывая народную боль по утраченному религиозному единству. П. обнаруживает сходство духовных исканий неграмотных сектантов-

староверов и рафинированных столичных интеллигентов, представителей т. н. нового религиозного сознания. После возвращения из путешествия П. познакомился с кругом символистов Д. С. Мережковского, с А. А. Блоком, В. И. Ивановым, вновь встретился с В. В. Розановым, уже знаменитым философом и публицистом. Влияние Розанова ощутимо не только в произведениях П. этого периода повышенного интереса к религии; на протяжении всей жизни П. вел в дневниках спор-диалог с этим религиозным мыслителем. Повлиял Розанов и на более позднее обращение П. к форме философской лирической миниатюры. Несмотря на благосклонное внимание мэтров символизма к книге «У стен града невидимого» (см., например: Мережковский Д. Расколовшийся колокол // Русское слово. 1909. 16 дек.), П. вскоре отходит от «богоискателей»: его, всю жизнь стремившегося к нераздельности жизни и творчества («пишу как живу»), разочаровало то, что они «пишут таинственно, говорят и живут обыкновенно» (СС. Т. 2. С. 587).

Результатом новой поездки — в среднеазиатские степи, за Иртыш — стал цикл лирических произведений «**Черный араб**» (1910), в котором окончательно оформилось мастерство П. как художника, особое умение переплавлять реальные наблюдения в поэтическую картину целостной жизни в родстве с природой. «Черный араб» вызвал восторженный отклик Горького, к которому П. также испытывал определенное тяготение. Вместе с тем позиция П. была подчеркнута независимой — он стоял особняком между символическими, с которыми его сближало внимание к эстетической и духовной сторонам творчества, и Горьким, который был близок ему жизненноутверждением, интересом к простым людям. Предреволюционное творчество П. отмечено особенно сильным влиянием стилистики А. Ремизова, иногда приводящим к чрезмерной вычурности, нарочитому смешению грез и реальности («**Иван Осляничек**», 1913; «**Грезица**», 1916).

В 1910-е П. также много путешествует, обычно проводя летние месяцы в отдаленных деревнях Псковской и Новгородской губ. В 1910–11 переходит от этнографии к чисто худож. форме, заметно колеблясь между реализмом и модернизмом («**Крутоярский зверь**», «**У горелого пня**» и др.). Итогом раннего периода стало 3-томное СС П., выпущенное в 1912–14 руководимым Горьким изд-вом «Знание».

Важная веха в биографии П. — большая статья «**Великий Пан**» (1911) влиятельного

критика Иванова-Разумника, давшего развернутую характеристику и высокую оценку творчеству П. как крупного, сформировавшегося художника, поэта космического чувства (хотя основной тезис критика о пантеизме П. ныне представляется спорным). Оценки критиков, относивших П. к «неореалистам» за сочетание в его творчестве реалистических черт с усложненностью и налетом мистической стилизации («Крутоярский зверь», 1911; «Птичье кладбище», 1911; «Никон Староколенный», 1912, и др.), были противоречивыми: с одной стороны, отмечалось «глубокое и любовное проникновение» писателя в души людей, тонкое понимание природы (В. Л. Львов-Рогачевский), с другой — оценка его как этнографа, «без личности», «с глазами вместо сердца» (З. Н. Гиппиус). В 1912–14 П. много печатался в ж. «Заветы», продолжая сотрудничать в либеральных газ. «Русские ведомости», «Речь», «Биржевые ведомости». Из газетных очерков П. составил сб. «Заворошка. Отклики жизни» (1913), давший разнообразный срез русской жизни предреволюционного периода. Особое внимание в очерках, написанных сдержанно, без присущих более позднему П. лиризма и личностной интонации, уделяется взаимоотношениям интеллигенции и народа, отмечается нарастание социального недовольства. Получив в 1914, после смерти матери, в наследство надел земли в Хрущеве, П. строит дом и намеревается заняться хозяйствованием.

Во время Первой мировой войны П. в основном выступал как газетный публицист, воссоздавая скулыми репортажными средствами обстановку военного времени на фронте и в тылу. Дважды ездил корреспондентом на фронт. Худож. произведения в этот период редки. В стилизованном в духе Ремизова рассказе «Цепочка Иисусова» (1915) переплетаются народные поверья, сны, религиозные предания и наблюдения над природой и жизнью волков. В рассказе «Чертова ступа» («Косыч») (1916) П. создал образ типичного кулака, думающего в трудное для страны время лишь о личной корысти. В рассказе «Страшный суд» (1917) показано всеобщее изменение отношения к войне накануне революции.

Проведя лето 1917 за обработкой земли в Хрущеве, П. осенью вернулся в Петроград, где его застала революция. Приняв Февральскую революцию как историческую неизбежность, к октябрьским событиям П. отнесся резко отрицательно, выступив в правоэсеровской газ. «Воля народа» с большим количест-

вом острых замечаний, раскрывающих антинародную, разрушительную сущность большевистского переворота. П. рассматривает революцию в апокалиптических тонах, как приход к власти князя тьмы Аваддона, обнаруживая в лицах и целях революции «обезьяньи» черты, «смердяковщину», дух мещанства и корысти («Князь тьмы», «Смех обезьян», «Невидимый град», «Убивец» и др. — см.: Цвет и крест). 2 янв. 1918 П. был арестован ЧК и 2 недели находился в заключении.

С весны 1918 П. живет в Хрущеве, посылая репортажи в московскую газ. «Раннее утро» о разгуле анархии, разграблении помещичьих усадеб, «черном» переделе земли и произволе новой власти в провинции. П. намеревался провести смутное время в деревне, занимаясь обработкой земли наравне с крестьянами. Однако осенью 1918, получив от крестьян «выдворительную», был вынужден покинуть Хрущев. В 1918–20 П., в поисках жизни «свободного человека», работал в различных учреждениях Елецкого у.; преподавал географию в гимназии, откуда прежде был изгнан; едва не подвергся расстрелу мамонтовскими войсками. Занимал принципиально нейтральную позицию, «ни за белых, ни за красных» (Дневники. 1918–1919. С. 288), выдвигая вместо политической позиции «голубое знамя» христианства. В 1920 П. уехал в глубь России — на родину жены, в Дорогобужский у. Смоленской губ., где стал учителем словесности («шкрабом») и хранителем созданного им музея усадебного быта в Алексине (см. автобиографический рассказ «Школьная Робинзонада» [1924] // Встречи с прошлым. М., 1976).

В 1922 П. возвращается в Подмоскovie и после долгого перерыва возобновляет сотрудничество в ж. «Красная новь», «Новый мир» и др. Посылает автобиографическую повесть «Раб обезьяний» (совр. название «Мирская чаша», 1920; полностью опубл. в 1982) на рецензию непосредственно Л. Троцкому. В повести послереволюционная Россия предстает как занесенная снегом дикая «Скифия», где разрушен традиционный уклад жизни и идет драматическая борьба культурных, духовных начал с проснувшимися в человеке «звериными» инстинктами. Л. Троцкий, признав «крупные художественные достоинства» повести, назвал ее, однако, произведением «сплошь контрреволюционным» (Пришвин в воспоминаниях современников. С. 103). Переизданием в 1923 книг П. («Колобок», «Черный араб») и пуб-

ликацией его произведений об охоте и природе, детских рассказов возобновляется участие П. в лит. процессе. По выходе в свет автобиографической повести о детстве **«Курьмушка»** (1924) П. рассматривается критикой как крупный талантливый писатель-«попутчик», один из лучших художников слова, хотя и избегающий актуальных тем строительства новой жизни и поэтизирующий прошлое.

Придя к важному выводу о «распылении старого мира» (Красная новь. 1924. № 1), П. пытается вписаться в новую действительность, не утратив собственной личности. Одна из первых удачных попыток создания совр. очерка о людях труда — книга **«Башмаки»** (1925), в которой конкретные наблюдения над профессиональной деятельностью и характерами подмосковных башмачников, полные познавательного интереса, обретают и высокохудожественную, занимательную литературную форму. П. все чаще обращается к теме природы, но это не «бегство в природу», а, наоборот, борьба с торжеством механистических начал через утверждение органической цельности жизни, через раскрытие сущности природы как «зеркала человека» (СС. Т. 7. С. 334).

Как и мн. последующие произведения П. в «малой форме», книга **«Родники Берендея»** (отд. изд. 1926) была создана на основе дневников, которые П. вел на протяжении почти всей жизни (1905–54). Поэтические «фенологические» наблюдения в «Родниках Берендея» сочетаются с глубокими жизнеутверждающими философскими раздумьями. Но начиная с 1920-х дневники перестали играть роль только «лабораторного» материала для худож. творчества, постепенно обретая черты уникального по масштабам и достоверности (П. поверял дневникам самые сокровенные мысли, без оглядки на цензуру) самостоятельного произведения — обращенной к потомкам «летописи» трагической эпохи, с напряженным осмыслением современности в русле традиционных религиозно-философских, этических и эстетических исканий русской культуры, сильно прерванных революцией.

В 1926 П. поселился в Сергиевом Посаде (с 1930 — Загорск), где жил до 1937. Автобиографический роман **«Кашеева цепь»** (отд. изд. 1927) — одно из главных произведений П., был тепло встречен критикой. Отмечались убедительно показанная история формирования творческой личности, раскрытие мотивов прихода молодежи в революционное движение, запоминающиеся, правдо-

подобные характеры. Благодаря поддержке Горького, П. удалось издать в 1927–30 СС в 7 т. Выход в 1930 последнего тома (**«Журавлиная родина»**), однако, совпал с началом травли П. в печати за «биологизм», «наивничанье», «неверие в конечные цели революции» и т. д. в связи с усилением вулгарно-социологических нападок РАППа на лит. объединение «Перевал» (Григорьев М. Пришвин, алпатовщина и «Перевал» // Лит. газ. 1930. 4 дек.; Малютин З. Очерки, становящиеся реакционными записками // На лит. посту. 1930. № 17 и др.). В отчаянии от творческой несвободы, ужасов «раскулачивания» и отрицания личности П. был на грани самоубийства (Дневник 1930 г. // Октябрь. 1990. № 7. С. 173). Однако после роспуска РАППа и организации СП положение П. в советской лит-ре стабилизировалось, хотя критикой сознательно создавался зауженный образ «певца природы», автора бытовых очерков, охотничьих рассказов и произведений для детей.

Одно из наиболее совершенных произведений П. — лирическая повесть-поэма **«Жень-шень»** (1933), в которой гармонично выразились его «коренное» мироощущение и лучшие стороны его писательского дарования — поэтические и в то же время точные описания природы, тончайший психологизм, дружеская доверительность интонации, стилистическое разнообразие и выразительность языка. В 1930-е П. много работал для детей, издав книгу рассказов **«Лисичкин хлеб»** (1939), книгу для юношества **«Серая Сова»** (1938) о «родственной душе» — каннадском индейце, живущем в неразрывной связи с природой, и др.

Для творческого метода П. характерно утверждение радости жизни вопреки страданиям, неуклонное стремление, несмотря на знание темных сторон жизни, дело свое вести «в светлую сторону». Однако «геооптимизм» П. (Горький) подвергался упрощенной трактовке в духе идеологических штампов социалистического реализма, П. воспринимал свое жизнеутверждение как «крестную жертву»: «Я, может быть, больше других знаю и чувствую конец на кресте, но крест — моя тайна, моя ночь, для других я виден, как день, как цвет» (СС. Т. 8. С. 147).

С 1937 П. жил в Москве. В конце 1930-х П. пережил духовный переворот: завершил долгий путь П. к «Невидимому Граду» христианства, к Церкви, положивший начало новому этапу творчества — воплощению средствами искусства идеи «радостного творчества христианского космоса любви» (Дворцо-

ва Н. П.— С. 39). В 1940 г. П. женился на В. Д. Лебедевой (урожденной Лиорко), оказавшей существенное влияние на развитие православных тенденций в его мировоззрении и творчестве, а позже сыгравшей ведущую роль в разрушении стереотипного восприятия П. только как «певца природы» и раскрытия его подлинного, всестороннего образа художника-мыслителя (см. об их отношениях в совместной книге **«Мы с тобой. Книга любви»**. М., 1996).

В 1940 вышла в свет созданная на основе дневников книга **«Неодетая весна»**, в которой П. стремился «изобразить нашу природу с животными, растениями, в живой связи между собой, как великий Дом человека» (Октябрь. 1940. № 1). Тогда же в «Новом мире» (1940. № 9–10) печаталась «поэма» о любви **«Фацелия»** — одно из самых поэтических сочинений П., созданное на основе дневниковых миниатюр. Печатание, однако, было прервано и вместо последней части появилась резко отрицательная статья (Мстиславский С. Мастерство жизни и мастер слова // Новый мир. 1940. № 11–12), обвинявшая П. в аполитичности и т. п.

Годы Великой Отечественной войны П. провел в д. Усолье под Переславлем-Залесским (Ярославская обл.). Вернувшись в 1943 в Москву, создал на основе военных впечатлений наполненную светом любви и исканий правды жизни **«Повесть нашего времени»** (1944; опубл. 1957) — «вещь со славянской душой» (СС. Т. 8. С. 448).

Около 20 лет работал П. над романом-сказкой **«Осударева дорога»** (1-я ред. закончена в 1948, опубл. в 1956). Действие романа происходит в Заонежье, где П. побывал еще в начале века, собирая сказки, и снова в 1933, когда там строился Беломорско-Балтийский канал. Драматическое столкновение прошлого и нового, природы и человека, несвободного труда и государственной необходимости послужило П. канвой для размышления над глубочайшими религиозно-философскими и социально-этическими проблемами. Тема рождения новой личности через нахождение пути к свободе как «осознанной необходимости», раскрытая в образе Зуика, решалась П. в духе христианства. Однако чрезмерная привязанность сюжета к конкретным местам, связанным с народным страданием, и невозможность высказаться открыто затруднили правильное восприятие произведения. Глубокий религиозно-философский подтекст его символики становится понятным из опубликованных «лесов» к роману (Наше наследие. 1989. № 1, 2).

Наиболее известное произведение П. — сказка-быль **«Кладовая солнца»** (1945), посвященная теме становления детских характеров, единства человека и природы. Повесть, в которой блестяще соединились поэзия природы, занимательность сюжета и познавательный интерес, заняла первое место на конкурсе Министерства просвещения РСФСР на лучшую книгу для детей. В 1953 П. закончил работу над повестью-сказкой **«Корабельная чаща»** (опубл. в 1954, после кончины П.), в которой действуют те же герои, что и в «Кладовой солнца». Мотив «поиска правды» придает повести с незатейливым сюжетом о путешествии детей к заповедному лесу (в поисках отца) философско-символический характер. Форма «сказки» характерна для послевоенного П., увидевшего в этом жанре неограниченные возможности сближения мечты и действительности, «творчества небывалого», как единственно допустимое в условиях того времени средство проведения идеи религиозного преображения мира. Для П. характерны проходящие сквозь все его творчество, развивающиеся и видоизменяющиеся вместе с духовным развитием самого художника идейно-нравственные «мыслеобразы» — лейтмотивы, охватывающие целые комплексы идей и помогающие глубже проникнуть в целостное мироощущение писателя в процессе его духовного роста: «родственное внимание», «сердечная мысль», «творческое поведение» и т. д.

П. по праву считается классиком русской литературы, выдающимся мастером слова, художником-гуманистом, утверждавшим целостность бытия и призывавшим друга-читателя к сотворчеству жизни. С особой остротой звучат в наше время экологические мотивы творчества П. — тема охраны природы, взаимосвязи человека и окружающего мира, единства всего живого. Вместе с тем **«Дневники»**, которые П. считал наиболее важными в своем наследии, опубликованы еще далеко не полностью. Из огромных «потаенных» дневников (около 25 томов среднего объема) П. предстает не только беспримерным «летописцем» целой эпохи в жизни страны, но и глубоким религиозным мыслителем, одним из создателей современного планетарного мироощущения — представителем русского космизма, чьи идеи перекликаются с сочинениями Н. Ф. Федорова, В. И. Вернадского, А. А. Ухтомского, А. Ф. Лосева. В контексте «Дневников», издание которых продолжается, предстоит еще переосмысление места П. как писателя и мыслителя в истории отечественной лит-ры.

Соч.: СС: в 8 т. М., 1982–86; Дневники. 1914–1917. М., 1991; Дневники. 1918–1919. М., 1994; Дневники. 1920–1922. М., 1995; Дневники. 1923–1925. М., 1999; Дневники. 1926–1927. М., 2003; Дневники. 1928–1928. М., 2004 (изд. продолжается); Мы с тобой. Книга любви [в соавт. с В. Д. Пришвиной]. М., 1996; Цвет и крест. Неизвестные произведения 1906–1924 годов / сост., вступ. статья, подгот. текста и комм. В. А. Фатеева. СПб., 2004.

Лит.: Хмельницкая Т. Творчество Михаила Пришвина. Л., 1959; Пришвина В. Д. Наш дом. 2-е изд., доп. М., 1980; Пришвина В. Д. Круг жизни. М., 1981; Пришвин и современность: Статьи и исследования. М., 1978; Пришвина В. Д. Путь к Слову. М., 1984; Курбатов В. Михаил Пришвин. М., 1986; Воспоминания о М. М. Пришвине: сб. М., 1991; Дворцова Н. П. Путь творчества М. М. Пришвина и русская литература начала XX в.: автореферат докт. дис. М., 1994; Фатеев В. К Невидимому Граду: М. М. Пришвин и христианство // Сфинкс. СПб. 1995. № 1. С. 121–132; Эткинд А. Пришвин // Хлыст. Секты. Лит-ра и революция. М., 1998. С. 454–486; Варламов А. Пришвин и Бунин: Лит. этюд // Вопр. лит-ры. 2001. № 2. С. 21–38; Варламов А. Обнажение приема: История одной мистификации // Лит. учеба. 2001. Март–апр. С. 108–139; Варламов А. Совр. прочтение Пришвина // Лит. учеба. 2001. Сент.–окт. С. 45–54; Варламов А. Гений пола. «Борьба за любовь» в дневниках Михаила Пришвина // Вопр. лит-ры. 2001. Ноябрь–дек. С. 67–104; Котельников В. А. Время огненного крещения личности: Дневники М. М. Пришвина 1918–1939 годов // Христианство и русская лит-ра. Сб. 4. СПб., 2002. С. 466–476; Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2003; Варламов А. Пришвин. М., 2003. (ЖЗЛ).

В. А. Фатеев

ПРОКОПЬЕВА Зоя Егоровна [15.11.1936, с. Белозерское Белозерского р-на Курганской обл.] — прозаик.

Родилась в семье кузнеца и крестьянки, детство было полусиротским — с 1938 семья жила без кормильца. Реалии трудных военных и послевоенных лет отразились впоследствии в автобиографических повестях **«Звереныш»** и **«Такая длинная ночь»**.

В 1949 П. переезжает в Челябинск, где ее «университетами» стал Челябинский металлургический комбинат, на котором она проработала 18 лет табельщиком, бригадиром, художником-оформителем. Среднее образование получила в школе рабочей молодежи, а образование творческое — в литобъединении «Металлург» (откуда вышло почти 20 членов СП России).

Первые произведения П. были опубликованы в коллективном сб. «Первый рассказ» (Челябинск, 1968) и были благожелательно встречены критикой. В конце 1960-х — нача-

ле 1970-х П. активно печатается в ж. «Урал», местных сб. и альм., а в 1971 вышла первая книга писательницы — сб. рассказов **«Лиюшка»**. «Быт, природа, завод, деревня — все это писательница знает, любит и умеет изобразить» (Маршалов Б. Первая книга // Челябинский рабочий. 1971. 21 февр.). П. продемонстрировала прекрасное знание и водной стихии: «...Так они и плыли: то мимо темного берега, то мимо мелких каменистых островков, поросших пихтами, березами и соснами, исчахлыми на ветру, а то ехали узкими камышистыми протоками и мягко лоснящимися заводами» (**Такая длинная ночь**. С. 176). Пейзажи в прозе П. — не только результат «созерцания», но и активного действия: любимыми увлечениями П. в эти годы становятся охота, рыбалка, парусный спорт. В 1958–68 она — яхтенный капитан 1-го класса по дальним плаваниям, обладательница 1-го спортивно-гоночного разряда.

В 1973 П. вступает в СП и получает направление на Высшие лит. курсы, которые заканчивает в 1975. В предисл. к книге **«Розовая птица»** (1974) О. Кожухова писала: «Прокопьева повествует преимущественно о рабочем классе... Но чаще всего это взгляд на человека как бы изнутри. Исходная точка отсчета в отношении к героям — сильное человеческое чувство, любовь к ребенку, к природе», а во вступлении к вышедшему в столице сб. прозы **«Белая мель»** (1976) поэт В. Цыбин отмечал, что «Прокопьева обладает самобытным почерком и манерой видения жизни. Главные достоинства ее произведений — это психологизм, умелая передача духовного состояния героев, их переживаний, раздумий, ощущений; их сочный, в меру насыщенный уральским говором, язык, это точная и пластичная детализировка».

Вернувшись на родину после окончания ВЛК, П. возглавляет Бюро пропаганды худож. литературы Челябинской областной писательской организации. Публикует сб. прозы в Челябинске и в Москве, которые в основном развивают «биографическую» и «рабочую» темы. Книги встречают разноречивые оценки — некоторые указывают на увлеченность «палубными романами» (Шапошников В. Любовь или «палубный роман»? // Лит. газ. 1973. 12 сент. С. 7), другие, напротив, отмечают «строгую доброту» героев П. (Павлов Б. Строгая доброта // Челябинский рабочий. 1973. 29 июля). Но не наставления критики, а логика развития таланта писательницы становится причиной тематических изменений в творчестве П. Фактически работа в малых и средних жанрах были только «про-